
ТЕОРИЯ

АНГЛОСАКСОНСКАЯ ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ГОСУДАРСТВО, КОРПОРАЦИИ, ТЕХНОЛОГИИ

Гарске Дж. *

В настоящей статье предпринята попытка понять, как технологии позволили англосаксонской правовой системе задействовать в своем «проекте» глобализации как систему государственного управления, так и систему управления корпорацией. Для понимания этого процесса в статье сравниваются две правовые системы Запада – романо-германская и общая (англосаксонская) – по таким показателям, как происхождение, развитие и ключевые различия между ними. Представленное сравнение позволяет объяснить, почему система гражданского права уподобляется государству, а англосаксонская модель равноудалена как от государства, так и от корпораций. Эти различия позволяют автору сделать вывод, насколько прагматичной и адаптивной является английская система построения мировой правовой культуры в условиях глобализации.

Ключевые слова: гражданское право, романо-германское право, римское право, общее право, англосаксонское право, правовая культура, технологии, печать, превосходство, гегемония, постмодерн, модерн, корпорации, государство.

This paper sets forth a way to understand, how technology has enabled Anglophone legality to employ, both the structure of the state and the structure of the corporation in its project of globalization. The paper does so by comparing the origins, development, and fundamental differences between the two Western legal forms, Civil and Common. This comparative approach is used to explain how Civil law is assimilated to the state, and how its Anglophone counterpart holds a position of equal and independent predominance toward both state and corporation. It shows how pragmatic adaptability is an advantage for the English method in constructing a global legal culture.

Keywords: Civil law, Continental law, Roman law, Common law, Anglophone law, legal culture, technology, printing press, transcendence, hegemony, postmodern, modern, corporation, state.

1. Правовая культура

Для лучшего понимания роли англосаксонской правовой системы, существующей в рамках глобализации, нам необходимо вернуться в XVI–XVII вв. Именно

---

* Гарске Джозеф – бакалавр (Гарвард) в области социальных наук (история). Председатель неправительственной общественной организации «Глобальный диалог» (Англия). E-mail: jpg.today@yahoo.com.

в это время происходили исторические процессы, которые сыграли ключевую роль в становлении традиционного права западных стран. В этот период шло соединение некоторых средневековых культурных и правовых норм и обычаев, которые постепенно приобрели привычные для нас современные формы права. Во многом такой «проект», как глобализация, сегодня означает необходимость обращения к происхождению этих традиций. Ведь события раннего времени дают возможность понять правовую основу глобального управления, строящегося в настоящее время.

Углубляясь в историю, важно помнить, что каждая правовая система состоит из двух основных частей: судебного и воспитательного аспектов. В краткосрочной перспективе правящий режим может навести порядок, прибегнув к силе закона, то есть приводить судебные решения в исполнение. Со временем, по мере создания атмосферы стабильности и преемственности этого режима, общество начинает осознавать значимость правовых полномочий, принимая во внимание те преимущества, которые дают ему законы. Так общество постепенно воспитывается, меняя мышление и вырабатывая привычку соблюдения этих законов. Комбинируя методы для наведения порядка в жизни общества и в стиле человеческого мышления, можно увидеть те основы, на которых формируется правовая культура.

Именно такие основы современного англосаксонского права были заложены почти четыреста лет назад. Данная правовая система родилась в эпоху технологической революции, которая происходила во всем христианском мире Европы. Это важнейшее событие было вызвано тремя великими изобретениями: морским компасом, пороховым оружием и печатным станком. Каждое из этих трех новшеств произвело свой необычный эффект: компас принес расширение океанической торговли и огромные богатства, новые вооружения армий привели к катастрофическим войнам, а механическая печать способствовала распространению знаний и позволила обучать больше людей [Misa 2011].

Влияние новых изобретений совпало с появлением нового мощного купеческого сословия, что привело к затяжному периоду потрясений и конфликтов в рамках средневековых институтов, давно сложившихся в Европе [Gorski 2003]. В прошлом единая правовая культура христианской Европы стала разрушаться сначала из-за междоусобных войн, а затем в результате распада на мелкие враждебные анклавы. Англия, территориально обособленная и имеющая традиционно отличающуюся от своих континентальных соседей монархию, начала развиваться замкнуто, что отразилось и на ее юридической системе. Так, основополагающий разрыв, разделивший Европу и Англию, был вызван не только географическими причинами в виде канала и океана, но и наличием различных подходов к правовым системам.

По существу, начало размежевания двух правовых систем – английской островной и европейской на континенте – было напрямую связано с новой технологией печати. Важен не тот факт, что юридические книги могли быть унифицированы и изготовлены в нужном большом количестве. Ключевое значение имело то, что эти книги можно было опубликовать на нескольких европейских языках, просто меняя порядок символов. То есть отпала необходимость публикации юридических трактатов только на латыни. Это привело к актуализации и наполнению местных языков, например французского, немецкого, итальянского и английско-

го, что, в свою очередь, вело к распаду единого христианского мира на отдельные национальные государства [Lesaffer 2010].

Вместе с национальными государствами стали развиваться новые подходы к государственному управлению и юридическому делу. Некоторые из старых форм, например королевство, парламент, суд, сословия, сохранились, но, как правило, в измененном варианте. Основываясь на новых подходах, стартовал процесс оформления двух различных правовых систем, которые со временем стали приобретать свои современные черты. Первой была романо-германская¹ система, или система гражданского права, вышедшая из древнеримских правовых традиций и европейского лона. Она стала неотъемлемой частью наследия культуры и науки, которые преобладали на Европейском континенте. Второй была англосаксонская² система, или система общего права, законы которой зародились в цеховой системе торговли Англии. Именно эти два направления развития правовых культур и систем можно считать одним из водоразделов, придающих форму событиям всего современного мира, особенно тогда, когда английские правовая система и язык могут сыграть одну из важнейших ролей в эпоху глобализации.

2. Средневековый закон

Как романо-германские, так и англосаксонские правовые традиции зародились почти тысячу лет назад, в Средние века. Те отдаленные события позволяют объяснить, почему две правовые системы вдруг стали резко расходиться около 1500-х гг. и каким образом принципиальные различия предопределили разную функциональность этих правовых режимов в мире. История данных вопросов для романо-германской системы начинается в XI в., когда в Италии, в Болонье, в 1088 г. был основан один из старейших университетов. В то время университет был новым местом для научного исследования права. Он же позже превратился в место для изучения наук и искусств, наследия культуры и обучения на Западе. Таким образом, на протяжении веков правовая культура Европы формировалась путем отражения традиций, ценностей и идеалов, которые господствовали как среди образованной публики, так и среди общества в целом [Bellomo 1995].

Традиции англосаксонской системы права, напротив, связаны с нормандским завоеванием Англии в 1066 г. [Hudson 1996]. Короли, которые должны были править этой страной с территории Нормандии, внедрили уникальную систему судов, предоставив особые полномочия должностным лицам – судьям. Со временем эти функционеры реорганизовались в самостоятельные гильдии, которые в конечном счете стали управлять Королевским судом в Лондоне. Такой механизм был хорош для короля, потому что тогда суды действовали не за счет королевской казны. За лояльность к королевскому двору членам гильдии разрешили осуществлять хозрасчет, сбор платы и пени за оказываемые судебные услуги.

Изначально единственной целью этих гильдий была правовая победа в спорных вопросах со знатными землевладельцами. Земля имела большое значение, поскольку являлась главной формой богатства и источником доходов. Судебным адвокатам была предоставлена монополия торговли, и, как и все члены гильдии, они защищали исключительно свои привилегии посредством определенных форм

¹ Автор именует ее континентальной правовой системой. – *Прим. пер.*

² Автор именует ее англофонской правовой системой. – *Прим. пер.*

знания и техники, тайно установленных между членами. Поэтому очевидно, что гильдии не нуждались в специализированных знаниях, которые стали преподавать в университетах Англии (в Оксфорде и Кембридже), а потому и юридическая система развивалась отдельно от университета, а не в его рамках, как на континенте [Hogue 1986].

В XVI и XVII вв. в Англии начал развиваться купеческий класс, что означало рост судебных разбирательств в области капитала и торговли. Понимая это, главы Королевского суда и юридических гильдий стали сближаться с новым слоем, срастаться с ним в области финансовых интересов, расширяя свои полномочия. Так под власть гильдий постепенно перешли все суды Англии, включая Верховный суд, парламент, и, наконец, они стали играть важную роль внутри самой монархии.

С того момента можно увидеть как минимум три аспекта англосаксонской системы, отличавших ее от континентального «визави». Во-первых, это была коллегиальная система права, закреплённая в общении ее членов и в карательных полномочиях судей. Вследствие того, что этот подход был «братским и прагматичным» для гильдий, сохранение единства мнения среди ее членов было обязательным. Причем, в отличие от гражданского права, которое преподавали во многих университетах и на многих языках, все участники англосаксонской системы были обязаны говорить и использовать в делах только английский.

Второй важный аспект этой системы заключается в основных целях, заложенных гильдиями и позже торговцами. Как уже было сказано, основной целью гильдий было обогащение ее членов. Если мануфактурные гильдии либо производили товары, либо оказывали услуги, то юридические гильдии осуществляли судебные разбирательства. Как и другие гильдии, они стремились избавиться от нежелательной конкуренции, сделав закон основным инструментом в борьбе за сохранение торговли, богатства и защиты своих источников доходов [Tigar 1977].

Третьей характеристикой системы общего права была его независимость по отношению к совещательным органам и даже приказам короля и его ближайшего окружения. Это связано с тем, что норманнской Англией правили в основном «заочные монархи», потому королевские суды вполне закономерно стали функционировать без пристального надзора. Хотя юридические гильдии установили государственные законы, их коллективные цели не были такими же, как цели этих законов. Вместо защиты государства и народа они стремились извлечь прибыль от торговли путем имплементации процедур этого закона [*Ibid.*].

Так, три элемента: коллегиальность, стимулирование продаж и относительная автономность, зародившись столетия назад, действуют в англосаксонской правовой системе до сих пор. Если юристы этой правовой системы развивались как самостоятельное братство, гильдии, став первым правовым институтом в средневековой Англии, то, сравнивая их с континентальной Европой, можно заметить, что начиная с XVII в. юристы романо-германской системы начали развивать свои полномочия, будучи тесно связанными со структурой созданных государственных институтов. Эти два разных подхода к закону, один – отделенный от структуры правительства, а другой – ассимилированный с ним, показывают глубокое различие данных правовых систем. В ходе своего развития как англосаксонская, так и романо-германская правовые системы показали и свои преимущества, и недостатки.

Система гражданского права может предложить преимущества, понятные и предсказуемые в вопросах судебных разбирательств. Работа юристов в этой системе основывается на соблюдении принципов рациональности и ясности, которые зафиксированы и установлены законом, то есть в деятельности юристов превагирует закон, в то время как представители общего права в силу своей независимости имели преимущество адаптировать судебные дела к той или иной ситуации, заложив основу прецедента.

Тем не менее важно отметить, что ученые в университетах континентальной Европы были исследователями римского права и именно они осуществили в свое время огромный прорыв в области действия закона, особенно тогда, когда рождались новые формы власти и коммерции. Многие их новые концепции и нововведения были с легкостью приняты на вооружение англосаксонскими юристами [Haskins 1967].

3. Две структуры

В XVII в. как в Англии, так и на континенте шло развитие общества, которое требовало новых инструментов управления с использованием законов. В этот период мы можем наблюдать правовую революцию. Чаще всего необходимые обществу законы касались методов упорядочения отношений между собственностью и собственниками, что также являлось важным аспектом для тех, кто стоял у власти. Вполне естественно, что в это время все еще действовали старые нормативные формы, которые уже зарекомендовали себя и были знакомы людям. Тем не менее параллельно с этим происходила адаптация двух правовых традиций из прошлого – Римского кодекса (заключенного в принципе *Jus Commune*, то есть общего права) и торгового права (основанного на принципе *Lex Mercatoria*, то есть законов торговли), для того чтобы соответствовать новым реалиям. В ходе этого процесса были разработаны новые приемы, с помощью которых суверенная власть могла бы выполнять свои обязанности, стать контролируемой, делегируемой и расширенной [Stein 2004].

В то же время эти новые формы администрирования и обеспечения соблюдения законов не всегда были четко определены. Например, в наше время можно увидеть разницу между государством, сословием, корпорацией, содружеством или компанией, в то время как тогда четкого отличия между этими понятиями не существовало. В самом деле, в разных контекстах каждый термин может иметь различное значение, а в других ситуациях некоторые из этих терминов могут быть использованы практически как синонимы. Данные недоразумения ярче всего были выражены в английской практике ввиду ее специфической правовой природы.

В англосаксонской правовой системе отсутствие четких границ для отличия того или иного понятия можно увидеть также на следующем примере. Он связан с такой формой правления Англией, как Содружество, более известное как Английская республика, существовавшая в период с 1649 по 1660 г. Это была суровая милитаристская и теократическая форма правления, тем не менее воплотившая в себе многие стандартные функции современного государства [Herrup 1989]. Правитель Содружества имел непререкаемый авторитет в пределах своих границ, обладал судебной властью и оказывал влияние на парламент, управлял налогами и армией для ведения войн и подавления внутренних мятежей.

Так, на примере Содружества мы можем увидеть наличие множества свойств типичной современной корпорации у государства. Лидеры Республики, в том числе лорд-протектор Оливер Кромвель, действовали почти как руководители и собственники предприятий, имея лишь одну цель – накопить имущество. В рамках Содружества десятки тысяч мелких фермеров были согнаны с их земель, разорались деревни и крестьянские хозяйства, которые по праву владения и пользования находились у крестьянских семей на протяжении нескольких поколений. Целые регионы были конфискованы, имущество на этих землях, такое как часовни, рынки и жилища, уничтожили, а пахотная земля была разделена между членами вновь возникшей правящей касты.

В итоге была создана новая государственная структура производства материальных благ, имевшая механизмы функционирования, подобные современному бизнесу, что заставило правящую элиту с особым вниманием отнестись к новым требованиям и правам, поставив закон себе на службу. Огромные массы обездоленных и бесправных людей были изгнаны из сельской местности, приведены к полной нищете и вынуждены жить в лачугах или на улицах города. Большие помещичьи хозяйства были собраны из того, что когда-то составляло множество отдельных крестьянских хозяйств. Последствия такой беспрецедентной передачи богатств и собственности на долгие годы оказали значительное влияние на английскую историю.

Другим примером может стать Ост-Индская компания. В отличие от модели управления, функционировавшей в рамках Содружества, Британская Ост-Индская компания, основанная в 1600 г., должна была превратиться в современную мультинациональную корпорацию, состоящую из акционеров и предназначенную для эксплуатации подневольного труда и неисчерпаемых ресурсов отдаленных регионов, особенно Индии [Stern 2011]. В самом деле, за более чем два века она стала проводником, благодаря которому из Индийского субконтинента извлекалось все материальное богатство. То, что раньше именовалось сказочно богатой древней империей, стало благодаря компании разоренной территорией с постоянными войнами, порабощенным и угнетенным населением. Одной из причин описанных последствий следует считать тот факт, что Ост-Индская компания имела много общих черт с современным тоталитарным государством [Porter 1975].

Компания обладала абсолютной и непререкаемой властью над землей и народами Индии. Под ее нужды назначали чиновников, она имела собственные суды, собственные муниципальные органы управления, а также устанавливала на подконтрольных территориях свои налоговые и тарифные ставки. Она имела собственную военную силу, чтобы противостоять вторжению извне и подавлять внутренние мятежи. Будучи одним из самых успешных коммерческих начинаний за все предыдущие эпохи, Ост-Индская компания сыграла не последнюю роль в английской промышленной революции, оказывая ей финансовую поддержку. Влияние капитала компании на политику Англии происходило вплоть до ее ликвидации в 1857 г. [Metcalf 2010]. Как видим, опыт Ост-Индской компании преподает нам уроки для понимания стратегии глобального управления в XXI в. Ведь правила с тех пор, по сути, не изменились, и замечательный пример управления государством через интересы юридического лица, созданного с целью обогащения своих акционеров, всегда должен быть перед глазами [Stern 2011].

4. Современный прогресс

Представленные выше примеры позволяют понять, что в центре развития западного правового пространства тогда и сейчас находились две юридически определенные структуры: государство и корпорация. Вестфальский договор 1648 г. ознаменовал символическое создание национального государства как суверенного субъекта, обладающего рядом инструментов воздействия, с помощью которых население и территории Европы становились регулируемыми [Micklethwait 2003]. В то же время ученые-юристы в различных университетах продолжали исследовать другой инструмент управления, а именно корпорации. Будучи учреждением, находящимся в подчиненном состоянии и имеющим целью управление потоками финансов и торговли, данный вид управления в наши дни получил особое распространение ввиду осуществления своих функций на значительных сухопутных и морских территориях.

Важность обеих правовых конструкций со временем только увеличивалась, особенно когда в Европе происходила вторая волна научно-технического прогресса, начавшаяся в XIX в. Нововведения этого периода, такие как пароход, железная дорога, электронный телеграф, уменьшили расстояние и время, требуемые для передвижения и получения информации. Хотя эти новые изобретения несравнимы с теми, которые мы описывали ранее и которые произошли в XV в., они все же занимают особое место. Ведь именно благодаря им западные методы государственного управления, ведения финансов и торговли получили распространение по всему миру [Vernon 1972].

Наибольший эффект от новых изобретений напрямую связан с соперничеством западных держав, постоянной конкуренцией и имперскими завоеваниями, что привело к возникновению нескольких крупных империй. С использованием новых технологий стало возможным не только победить на большом расстоянии, но и доминировать в определенных частях света. К концу XIX в. практически все «ничейные» территории на планете были присоединены, колонизированы или находились в подчинении крупных империй. В этот период экспансии и соперничества в отношении почти всех регионов Земли, народов и территорий доминировал западный подход. Без новых изобретений такое расширение влияния просто не могло состояться. Но изобретения дали и другой результат: они привели к усилению и укреплению уже существующих национальных государств. Благодаря прокладке железных дорог и телеграфных линий национальному правительству удалось соединить разрозненные города и населенные пункты. С помощью силы пара и транспорта государство стимулировало промышленный рост. С увеличением мобильности и вооружения происходило наращивание военной мощи, которое позволяло защищать свои границы. Все перечисленное, в свою очередь, приводило к централизации власти.

В дальнейшем XX в. стал периодом еще более стремительного технического развития. Поднявшись на качественно новый уровень, такие технологии, как автомобиль, самолет, телефон, радио, кино и механизированное вооружение, обеспечивали массовую коммуникацию и массовое производство. Электронные методы трансляции и распространения информации на различных языках позволили создать единую атмосферу сознания и понимания внутри каждой нации [Misa 2011]. Представить себе, чтобы в течение кратчайшего срока в XIX в. население

отдельной страны могло быть мобилизовано, оповещено и объединено, как это было в XX в., просто невозможно.

5. Состояние кризиса

В начале XX в. национальное государство достигло вершины своего развития. Оно имело четкое пространство, признанные защищенные границы и, главное, право защищать эти границы в соответствии с определенными правилами войны. Оно было суверенным во внутренней политике, владело исключительной властью над своим населением и ресурсами. Каждое национальное государство было признано членом «семьи наций» и имело право вступать в отношения с кем-либо из «коллег» как равное государство [Buzan 2006].

Одна из причин успешного распространения национального государства как формы правления заключалась в том, что стадии технического развития были хорошо приспособлены для общества, замкнутого в территориальном измерении. В XX в. государства не только основывались на доктринах, национальных идеях и практике их реализации, но также должны были соответствовать уровню технологий, преобладавших в то время. Речь идет о средствах транспорта и торговли, печатных книгах и журналах на национальном языке, а также радио и кино. Эти факторы, обладая удивительной способностью быстрого информирования обществности, объединенные вместе, были в состоянии создать общую среду общественного понимания и национальных целей, языка и обычаев.

В самом деле, способность мобилизации всего населения в целях производства и ведения войны привела к катастрофическим последствиям. Из-за этого новое международное движение приняло форму сдерживания отдельного государства как центра власти, чтобы подвести его под власть международных правовых рамок [Crystal 2012]. Такой план был неизбежно чреват осложнениями и сопротивлением не только вследствие глубоко укоренившейся вражды между государствами, но и из-за недостатка всеобъемлющей власти международных органов для действительной реализации программ сотрудничества в международных делах.

В конце XX в. с появлением общемирового телевидения и компьютера проблемы форм управления как на международном, так и на государственном уровне стали только усугубляться. Звук и изображение теперь могли транслироваться через границы по всему миру, проникая в любое место на Земле. Компьютеризированная информация в любом количестве и на любую тему может передаваться из одного места в другое в любое время любым человеком.

Для функционирования государства как территориального органа и суверенного субъекта, обладающего национальным законодательством, эти новые разработки стали особым испытанием. Первое, с чем пришлось столкнуться государству, – изменение значения его границ, которые выступали в качестве защиты от нерегулируемых потоков общения и торговли. Предыдущая концепция границы как абсолютного ограждения и определенного барьера, разделявшего не только территории, но и правовые системы, становится непригодной. Вести надзор за делами своих граждан было довольно легко, потому что они и их имущество находились в одном регионе, отмеченном национальными границами. Более сложными были вопросы регулирования деятельности тех субъектов, чьи основные активы и владения находились за пределами территориальных границ и вне досягаемости власти.

Но влияние представленных технических новшеств в очередной раз доказало, что происходящие процессы – всего-навсего прелюдия к тому, что случится после. Приближение XXI в. ознаменовалось наступлением не только нового тысячелетия, но и новой эры. Новый век был назван веком технологий, информации и глобализации. Иногда его называют эпохой постмодерна, чтобы отличить от предыдущего периода. Многие традиционные формы правления и господства стали пересматриваться. Ввиду этого, в частности, национальное государство начало переживать глубокий упадок и кризис [Cohen 2008].

6. Восхождение корпораций

По мере приближения нового тысячелетия проблемы, тревожащие государство, были отчасти нивелированы влиянием, оказанным новыми технологиями на различные корпорации. Поэтому неудивительно, что такие новшества, как электронная передача звука и изображения, телефонная связь, информационные системы и компьютеризация, оказали положительный эффект в рамках юридически созданных условий для их развития [Vernon 1972]. Распространение компьютерных сетей в мире позволило достичь даже самых удаленных регионов, а комбинация этих сетей со сферами рекламы и развлечений создала невероятные коммерческие возможности. Например, возможность путешествовать, вести торговлю, налаживать связи на мировом рынке, на котором будут представлены все страны. Все это открыло доселе невиданный потенциал для развития и объединения мира.

Данный технический прогресс ускорил и без того масштабное расширение власти и контроля со стороны децентрализованных многонациональных корпораций. Если опираться на англосаксонскую форму управления, где государство срастается с корпорацией, то определенные преимущества последней перед государством становятся очевидными. Более того, влияние технических приложений начало размывать прежние различия между корпорацией и государством, общественным и частным, экономическим и политическим [Giddens 2003]. Исходя из основ англосаксонской юридической практики как государство, так и корпорации в равной степени подчинялись коллегиальным судебным решениям, и каждый имел при этом особые преимущества.

Дело в том, что с XVII в. в рамках англосаксонской правовой системы корпорация была наиболее распространенной формой владения, позволявшей постоянно расширять свои полномочия. По сравнению с государством корпорация была меньше связана юридическими нормами, не сталкивалась с препятствиями в рамках конституционных вопросов, а также почти избегала политического вмешательства, что позволяло руководителям корпорации действовать сугубо прагматично. Поэтому неудивительно, что с развязанными руками корпорации могли легко адаптироваться к любым изменениям, что, в свою очередь, делало их полезным элементом общества. А опираясь на основы англосаксонской правовой системы, корпорации получали даже ряд преимуществ над государством [Micklethwait 2003].

В отличие от государств корпорации смогли адаптироваться к новым реалиям XXI в., сумев впитать в себя устои новых правовых режимов. Корпорация, которая не имела конкретного географического расположения, в отличие от четко обозначенных на карте государственных национальных границ, могла спокойно действовать за пределами своей страны. Даже если бы почти двести государств

покрыли поверхность Земли, одна современная корпорация могла бы охватить те же территории, легко избегая юрисдикции других государств и пересекая все границы. Такой инструмент в лице корпораций был естественным средством стратегий экономического развития, открытых рынков, взаимозависимости и свободной торговли.

Но имелись и другие преимущества: например, используя инструменты управления корпораций, можно было выйти далеко за пределы национальных границ. Такие действия становились хорошим решением в ситуациях, когда правительству какого-нибудь одного государства было запрещено вести дела с другим, пересекая свою национальную границу и попадая на территорию другой страны. Корпорация же может обеспечить, по сути, экстерриториальность правовых режимов, ведя свою работу внутри обоих государств. Используя новые технические возможности, корпорация может создать все необходимые условия и ресурсы для предоставления питания и одежды населению. Она может обеспечивать военное присутствие в виде частных корпораций, которые производят и поставляют оружие, оказывают материальную и рекомендательную поддержку, а в некоторых случаях даже предоставляют солдат-наемников.

В прошлом функция образования лежала на плечах государства. Но благодаря новым достижениям электронных медиаресурсов человечество получило иные инструменты для формирования общественного сознания, норм и ценностей. Корпорации могут создать необходимую атмосферу для понимания политической и международной деятельности, доводя определенную информацию до общественности и заставляя ее принимать активное участие в развитии международного режима управления. В отличие от старых школьных систем, неразрывно связанных с монолитными зданиями, где учащиеся массово заучивали национальную идеологию своего государства, новые средства в руках корпораций, например, СМИ, не требуют особых усилий со стороны учащегося [Readings 1996]. Новые средства могут создавать атмосферу взаимопонимания, прививая необходимые привычки принятия и соблюдения установленного в стране правопорядка.

С точки зрения английского законодательства все эти факторы позволяли со временем размывать искусственное противопоставление публичного и частного, политического и экономического, национального и международного. Возможно, ввиду увеличения роли и места корпораций как за счет технологий, так и благодаря имплементированным законодательным нормам, они и стали своего рода неотразимым вызовом для существующей системы мира, где прежде доминировали государства. В самом деле, в случае англосаксонской юридической практики государство и корпорации в XXI в. достигли некоего возвращения к своей первоначальной форме в виде средневекового братства.

С учетом того, что общее право было основано на модели гильдий, которые зародились раньше национальных государств, оно вообрало в себя и отличительные черты для корпораций, в которые после перерождались гильдии. Основой любой гильдии являлось органическое общение между членами, то есть главным элементом было не наличие абстрактных конструкций и четких систем взаимодействия и управления, а обычная связь между людьми. Поэтому в рамках англосаксонской системы особое место занимает единогласное, принудительное и коллегиальное принятие решений. Все это позволяет создать некую юридическую иерархию, где все следуют определенным политическим и экономическим целям,

формируя, таким образом, правовую культуру, необходимую для реализации целей и интересов сугубо гильдий, читай – корпораций. Сквозь века описанная конструкция почти без изменений перекочевала в наше время.

7. Гегемония

Бесспорное доминирование англосаксонского мира в XIX в. неразрывно связано с Pax Britannica. Ни одна нация или группа наций не могла сравниться с промышленной, финансовой и военно-морской мощью Британской империи в то время. В XX в., после двух мировых войн, в основу англосаксонского мира была положена Атлантическая хартия, оформившая союз между Великобританией и США [Buzan 2006]. В результате конфликтов, которые повергли большую часть мира в руины, объединенные силы англосаксов только крепили. Особенно это можно увидеть на примере практически нетронутого войной промышленного и военного потенциала этих стран, который после 1945 г. только рос.

Традиционно отличительной чертой английского влияния в делах мира было такое понятие, как баланс сил. Эта стратегия была особенно эффективна против континентальных государств, ведь Европа представляла собой «лоскутное одеяло» из мелких и крупных народов, разделенных языком, культурой и религией. Разжечь в такой ситуации вражду между любыми двумя странами было довольно легким делом. Поэтому Великобритания обычно следила, чтобы в Европе не появлялся другой сильный игрок, постоянно держа континент на грани конфликта, а приведя к нему, вставала на сторону более слабого соперника [Watson 2009]. В итоге политика баланса сил привела после Второй мировой войны к противостоянию между Россией (СССР) и США и, перейдя в холодную войну, способствовала делению мира на две противоборствующие стороны.

В этот период англосаксонский альянс, объединенный общим правовым наследием, стал расширять военное влияние и действия СМИ, бывших уже тогда в корпоративном управлении. Проводимая политика сочетала британскую дипломатическую изощренность, уходящую в глубь веков, практически безграничные природные ресурсы, подконтрольные англосаксам почти во всем мире, и колоссальный капитал, подкрепленный специфическими методами маркетинга и менеджмента, финансовой, торговой и промышленной деятельностью держав.

Тем не менее после распада СССР в последнее десятилетие XX в. существовавший баланс сил был нарушен, что привело к доминированию одной силы в мировых делах. Этой единственной силой, конечно же, были Соединенные Штаты Америки. Стоит отметить, что в реальности они редко действовали исключительно в одиночку. Неизменно всегда рядом находился более опытный и хитрый партнер в лице британского наставника. Помимо Великобритании, США также имеют неотъемлемое родство со всеми другими странами и структурами англосаксонского правового наследия и культуры: Канадой, Австралией, Новой Зеландией, Сингапуром, Гонконгом и Израилем. В совокупности все эти связи стран вокруг США и Великобритании создают такое влияние в мире, которое сравнимо с основой для создания новой системы мироустройства, альтернативной bipolarной.

Европейцы, в свою очередь, в конце XX в. начали проводить эксперимент в построении пространства наций, объединенных географией, общей историей,

культурой, принципами разума, универсализма и традициями гражданского права. Так суверенные государства стали приобретать очертания единства, имеющего некоторые свойства конфедерации. Создав Европейский союз, европейцы смогли усвоить некоторые элементы государственности и управления большим коллективом, но этот проект был ограничен рамками самой Европы, включая, конечно, обособленную Великобританию. Однако в Европе царил надежда на то, что ЕС может служить примером для консолидации других регионов мира по своему примеру [Habermas 2008].

С точки зрения англосаксонской юридической традиции европейский подход мироустройства видится более проблематичным. Связано это с тем, что модель европейцев по ассимиляции и принятию разных культур и религий в одном пространстве неразрывно соотносится с государством. Англосаксонская модель в этом плане другая. После образования политического вакуума на международной арене вследствие распада СССР «Атлантическое английское братство» предложило свои элементы единого мира, которые основывались бы на строительстве всех регионов планеты по схеме, равноудаленной от государства, а значит, и конкретных культурных, религиозных или этнических составляющих.

Для того чтобы такой подход реализовался, необходимо было создать, вовлекая все нации и народы, специальный механизм, который контролировал бы рычаги власти не только над отдельными лицами и учреждениями, но и над различными государствами. Такой механизм включал в себя ряд убеждений: дипломатическое, политическое, экономическое и даже военное, применяемое к менее сговорчивым. В совокупности с новыми технологиями эти элементы убеждения позволили англоязычным народам незамедлительно вмешиваться в какой-либо процесс в любой точке Земли.

Тем не менее опыт подсказывает, что при создании новой системы в международных отношениях, особенно той, что мы получили в XXI в., тот, кто доминирует, то есть является гегемоном, не может вечно уповать только на грубую силу как основное средство влияния. В краткосрочный период это еще возможно, но в конечном счете необходима комбинация нескольких инструментов, которые бы включали привитие новых культурных и образовательных норм (инкультурацию) совместно с устойчивой международной правовой и экономической основой планетарной деятельности гегемона. Таким образом, вся деятельность государств в рамках одного режима будет включать взаимосвязанную правовую систему, схожие нормы для заключения договоров, осуществления практики судьями, единые нормы для учебных заведений и СМИ, а также ответственное исполнение обязанностей внутренними силами (полицией). По сути, мы получим сетевой каркас глобальной правовой культуры, на который можно было бы наложить имеющуюся национальную правовую систему граничащих между собой государств. Правда, стоит отметить, что, помимо всего названного, в англосаксонской практике присутствует еще один важный элемент – всеобщее владение английским языком и его использование.

8. Универсальный язык

Среди уникальных особенностей, которыми обладает общее право, есть всего лишь один постоянный фактор, способствующий работе в этой правовой системе.

Таким фактором является язык. Коллегиальный характер английского права, включающий в себя связи, личное знакомство, общий опыт, накопленный годами, совместной работе судей, их иерархии и дискуссиях о методах судопроизводства, просто нельзя представить без использования единого языка. В начале XIX в. общее право действовало в странах по всему миру, но только в тех, где английским владели более или менее в совершенстве [Crystal 2012].

С момента своего основания в XI в. юридические правила и нормы опирались на два способа передачи информации. В Средние века, когда возможность печатать документы и читать их была исключением, а не правилом, юридические процедуры и методы судопроизводства базировались лишь на устной речи, начиная с присяги вступления в гильдию. Позже, когда внутренние коллегиальные решения гильдии о собственной деятельности и уставе принимались единодушно, они писались от руки, а с появлением книгопечатания письменное выражение правовых полномочий стало более важным, и к XVII в. широко распространились уже печатные уставы и судебные постановления. Кроме того, образование в области правовой культуры также стало зависеть от печатной книги. Тем не менее именно устные выступления, дававшие возможность противоборствующим сторонам судебного процесса опираться на личные качества выступавших, видеть оппонента лицом к лицу, за короткое время правильно подобрать нужные слова, стали основой общего права.

В англосаксонском подходе вынесение судебного решения на глобальном уровне не обязательно требует установления жесткой структуры или набора принципов, которые бы в совокупности напоминали глобальное государство. Напротив, в англосаксонской модели юридических правил и норм управление будет состоять из коллегиальности и органической полноты власти всех видов [Slaughter 2004]. То есть, помимо государства, мы увидим в этой правовой системе организации, фирмы, партнерства, общества, клубы, объединения. Поэтому мы наблюдаем четкие различия с романо-германской правовой системой, где ключевую роль играет государство, а сама система иерархична.

Тем не менее мы все же можем найти некую иерархическую лестницу или ранжированные статусы, которые лежат у истоков англосаксонской правовой традиции. Ярче всего это можно увидеть на примере отношений юриста и его клиента. Первый имеет больше прав и привилегий в отличие от второго. Но и среди юристов имеется определенная разница в рангах, превращающая их в некую структурную касту, где одним из сплачивающих элементов является язык.

Различия есть также и в языке. В частности, существовало два уровня английского языка: высокий и общий, то есть используемый аристократией и обычным народом. На протяжении XIX в., когда англосаксонская правовая система была распространена на все страны мира, где говорили на английском языке, языковые стили также стали делиться на своего рода ранги и классы, в зависимости от того, кто и как говорил, – чистый английский и колониальный. Наибольшие отличия от англо-английского в Британской империи можно было найти в американо-английском. Манера произношения и качество речи в колониях всегда являлись главным индикатором для определения не только места, откуда этот человек родом, но и его социального статуса [Bush 1984]. Язык был одним из главных инструментов развития общества, а для юридического общества, даже общины, если

мы говорим о гильдиях, он являлся главным мерилем социальной пропасти между разными слоями населения.

В начале первых десятилетий XX в., когда в мире стало распространяться радиовещание, английский язык начал приобретать статус универсального. А с завершением двух мировых войн, из которых англоговорящие страны вышли победителями, английский стал мировым языком коммуникации и коммерции, финансов и торговли, посягнув даже на доминирование французского как дипломатического языка. Тем не менее наибольший скачок влияния и использования английского пришелся на более поздний период – конец XX в., зарю новой технической революции.

Тогда в мире была только одна сверхдержава – США, чьи ценности, желания и сфера развлечений транслировались по всей планете. Подрастающее поколение было погружено в новый мир – мир виртуальной реальности, искусственных звуков и необычного изображения. Наравне с этим шло развитие компьютерных технологий, которые способствовали распространению информации и появлению компьютерных сетей. Неудивительно, что этими плодами технического прогресса воспользовались англосаксонские страны, особенно Соединенные Штаты. А учитывая тот факт, что все перечисленные сферы деятельности и информация оказались в их руках, неудивительно, что новая электронная эра стала транслироваться и популяризироваться на английском языке [Crystal 2012].

Любая система, даже правовая, включает в себя тех, кто правит, и тех, кто подчиняется. Для лучшей координации между этими двумя составляющими элементами необходимо, чтобы они понимали друг друга максимально ясно, поэтому использование единственного языка в системе является важным фактором. Англосаксонская правовая система может функционировать только там, где практики, то есть юристы, говорят на английском языке бегло, а простой народ по крайней мере его хорошо понимает. Хотя важность языка видна в первую очередь для осуществления юридической практики, нужно отметить и его необходимость для развития правовой культуры: формирование мыслей, привычек, желаний и чаяний в обществе. Именно с расширением возможностей английского языка и англосаксонской правовой культуры влиять на мировые процессы, слиться с ними неразрывно связано превращение этого языка в глобальный.

9. Глобализация

Существует много способов понять, что представляет собой «проект» глобализации. Он, с одной стороны, однозначно включает в себя все народы и населенные территории планеты. С другой – это понимание однобоко, если не учитывать также юридические и законодательные устои, которые закладываются в основу этого «проекта». Данная основа будет включать в себя судебный и воспитательный аспекты, о которых мы говорили в самом начале. Первый вносит порядок в жизнь общества, второй формирует человеческое сознание. Вместе эти два элемента образуют глобальную правовую культуру. Англосаксонский мир, безусловно, не стоит в стороне, а потому использует все свои правовые и юридические наработки, чтобы построить новую культуру по своим лекалам [Habermas 1976]. С развитием же технологий появляется возможность расширения полномочий англосаксонской системы и формирования под ее началом общественного сознания на глобальном уровне.

Исторически англосаксонская правовая система закономерно развивалась исходя из внутренних процессов. Позже она уже стала выходить за границы государств, тем самым расширяя свое влияние на мировые процессы. Эта модель соответствует тем трем элементам, которые ее формируют. Во-первых, упомянутая уже коллегиальность англосаксонской системы. Во-вторых, основа основ любого бизнеса – система должна приносить прибыль своим участникам, поощряя производство богатств и одновременно расширяя возможности членов «системной корпорации». И, наконец, английские юридические правила и нормы независимы, то есть юристы-практики осуществляют обособленную деятельность, следуя принципам Верховного суда парламента, где их юрисдикция не имеет предела, и они не признают никакой вышестоящей власти [Breyer 2015].

Однако само по себе англосаксонское правовое «братство» неспособно расширять свое господство в мировом масштабе. Для достижения этой цели оно должно полагаться на другие подчиненные и вспомогательные элементы. Первый среди них – это государство, которое имеет фиксированную территориальную структуру. Такая конструкция полезна в качестве регулирующего органа и как основа гражданского порядка среди отдельных национальных групп населения. Другие элементы связаны с корпорациями, с их гибкой адаптацией и завуалированной автономией. Вместе эти элементы обеспечивают функционирование англосаксонской правовой системы и механизмы адаптации к различным требованиям глобального управления.

Тем не менее таких успехов в глобальном масштабе может и не быть без значительного прогресса технологий. Вспомним, как в XV в. главные изобретения (порох, морской компас и печатный станок), инструменты и приборы сделали возможной беспрецедентную концентрацию власти и богатства. В течение этого периода концентрация повышалась, что в итоге привело к появлению национальных государств на континенте и парламентского правления в Англии. Позже, в XIX в., новые инновации (пароход, железная дорога и телеграф) создали рычаги управления империями на расстоянии, позволив им расширяться дальше. Одним из результатов был рост великих имперских держав, например, Британская империя занимала почти четверть поверхности суши Земли. Самое главное – с помощью этих изобретений западные методы управления финансами и торговли были введены практически во всех странах мира [Stern 2011].

Тем не менее в англосаксонских странах модель глобального управления в XXI в. не будет точно копировать модели XI, XVII, XIX и даже XX в. Старые национальные государства зависели именно от печатного станка, книги и журналы были главным средством формирования общественного сознания и определенной структуры убеждений. Но теперь в мире есть и более высокоразвитые каналы и сети для формирования человеческого сознания, где можно найти непрерывный поток информации. Способность создать виртуальную реальность, передать звук и изображение на расстоянии обеспечивает совершенно новые возможности для создания атмосферы общественного признания и соблюдения установленных требований и «правил игры».

При изучении стран, образующих англосаксонский мир, и их «проекта» глобализации можно обнаружить несколько достижений. У глобализации не только

есть гегемон, продвигающий свои «правила игры», у нее имеется также прагматичная гибкость для создания трансцендентальной власти. Благодаря коллегиальному подходу она может приспособиться к меняющимся обстоятельствам, даже поглощая и используя концепции и методы из романо-германского права. В процессе своего развития глобализации необходимо сохранить две основы. Первая – это сплоченность ее членов под руководством своих судей по всему миру; вторая – соблюдение всеми народами подчинения установленной власти [Slaughter 2004]. Использование же передовых технологий позволяет создать инструменты правового порядка, изменяя в том числе и государства, и корпорации. Таким образом, мы получим установление как англосаксонской правовой культуры, так и системы в мировом масштабе.

*Перевод с английского
В. А. Голиня*

Литература

- Bellomo M. The Common Legal Past of Europe 1000–1800. Washington, D.C. : CUA Press, 1995.
- Breyer S. The Court and the World. New York, NY : Alfred A. Knopf, 2015.
- Bush M. L. The English Aristocracy. New Heaven : Manchester University, 1984.
- Buzan B. From International to World Society. Cambridge : Cambridge University Press, 2006.
- Cohen B. International Political Economy. Princeton : Princeton University Press, 2008.
- Crystal D. English as a Global Language. Cambridge : Cambridge University Press, 2012.
- Giddens A. Runaway World. New York, NY : Routledge, 2003.
- Gorski P. Disciplinary Revolution: Calvinism and the Rise of the State. Chicago : University of Chicago Press, 2003.
- Habermas J. Communication and the Evolution of Society. Boston : Beacon Press, 1976.
- Habermas J. The Divided West. Cambridge : Polity Press, 2008.
- Haskins C. H. The Rise of the Universities. New York, NY : Cornell University Press, 1967.
- Herrup C. B. The Common Peace. Cambridge : Cambridge University Press, 1989.
- Hogue A. R. Origins of the Common Law. Indianapolis : Liberty Fund, 1986.
- Hudson J. The Formation of the English Common Law. New York, NY : Longman, 1996.
- Lesaffer R. European Legal History. Cambridge : Cambridge University Press, 2010.
- Metcalfe T. R. Ideologies of the Raj. Cambridge : Cambridge University Press, 2010.
- Micklethwait J. The Company: A Short History of a Revolutionary Idea. New York, NY : The Modern Library, 2003.
- Misa T. J. Leonardo to the Internet: Technology and Culture. Baltimore, MD : Johns Hopkins University Press, 2011.

- Porter B. *The Lion's Share*. London : Longman, 1975.
- Readings B. *The University in Ruins*. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1996.
- Slaughter A.-M. *A New World Order*. Princeton : Princeton University Press, 2004.
- Stein P. *Roman Law in European History*. Cambridge : Cambridge University Press, 2004.
- Stern P. J. *The Company-State: Corporate Foundations of the British Empire*. New York, NY : Oxford University Press, 2011.
- Tigar M. *Law and the Rise of Capitalism*. New York, NY : Monthly Review Press, 1977.
- Vernon R. *Consequences of Multinational Enterprise*. Boston : Harvard University Press, 1972.
- Watson A. *The Evolution of International Society*. New York : Routledge, 2009.